

УДК 903.27

В.Д. Кубарев¹, В.И. Забелин²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su*²*Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН
ул. Интернациональная, 17, Кызыл, 667007, Россия
E-mail: oktargj@tuva.ru*

АВИФАУНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО ДРЕВНИМ РИСУНКАМ И АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Введение

Общеизвестно, что любые изображения – живописные, графические или скульптурные – создаются по подобию предметов или явлений, существующих в природе. Не останавливаясь подробно на роли искусства в первобытном обществе, подчеркнем лишь ее многоплановость и важное познавательное значение. Стремление древнего охотника изобразить животное было направлено, в конечном итоге, на овладение им. Этот процесс, по В.Б. Мириманову [1973], являлся не фактическим, а “идеальным” овладением не самим животным, а его образом, т.е. процессом постижения, узнавания. Его суть очень точно определил А. Хаузер: “Когда художник палеолита рисовал на скале животное, он рисовал реальное животное. Для него мир вымысла и искусства еще не был самостоятельной областью, отделенной от эмпирически воспринимаемой действительности. Он еще не противопоставлял, не разделял эти сферы, но видел в одной прямое продолжение другой” (цит. по: [Там же, с. 73]). Вполне естественно, что среди изображений преобладали анималистические мотивы. Древний художник запечатлел в основном промысловых животных, обеспечивавших человеку необходимые для жизни питание, одежду, материал для орудий и т.д. Одними из наиболее архаичных рисунков, насчитывающих многие тысячи лет, являются петроглифы (выбивка, шлифовка, гравировка и т.д.) и писаницы (силуэтные, контурные или комбинированные росписи) на скалах, отдельных глыбах, стенках гротов и пещер.

Древний человек, обитавший в определенной географической среде, отражал реальный мир животных, окружавших его. Так, в Северной Европе (Норвегия, Швеция) преобладают изображения лосей, оленей, медведей, китов, тюленей; в Центральной Европе (Франция, Испания) на стенах всемирно известных пещер изображены дикие лошади, бизоны, быки, носороги; в Африке – слоны, бегемоты, жирафы, антилопы [Там же, с. 202]. На юге Западно-Сибирской низменности, в частности на известной Томской писанице, доминируют фигуры лося [Окладников, Мартынов, 1972]. В петроглифах Алтая, Тувы и Западной Монголии самые распространенные и многочисленные изображения сибирских горных козлов и маралов. Здесь на стыке сибирской горно-таежной и центрально-азиатской пустынно-степной зон наблюдалось высокое биоразнообразие и обилие животных, что, конечно же, отразилось и в древних наскальных рисунках [Потапов Р.Л., 1957, 1958; Ешелкин, 1974]. Довольно частая встречаемость изображений лосей и маралов (обитателей леса) в этом регионе свидетельствует о более широком, чем в настоящее время, развитии древесной растительности в конце плейстоцена – начале голоцена.

Облик древней орнитофауны любой территории восстанавливается анализом суммы палеонтологических знаний о развитии мира птиц на Земле. Основным препятствием в накоплении данных о птицах древних эпох считается относительно низкая сохранность их перьевого покрова и костных остатков. Кроме того, достаточно затруднительно их видовое опре-

Рис. 1. Расположение археолого-этнографических памятников с орнитоморфными изображениями в Центральной Азии.

1 – Хойт-Цэнкер-агуй, 2 – Чандамань, 3 – Ховд, 4 – Арал-Толгой, 5 – Хар-Салаа/Хар-Чулуу, 6 – Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур (Монголия); 7 – Джурамал, 8 – Каракол, 9 – Туэкта (Алтай); 10 – Овюр III, 11 – Бижиктиг-Хая, 12 – Ортаа-Саргол, 13 – Алды-Мозага, 14 – Сук-Пакское, 15 – Аржан-Хем (Тува); 16 – Тас-Хазаа, 17 – Аскиз, 18 – Бутрахты (Хакасия); 19 – Томская и Новоромановская писаницы (Кемеровская обл.).

а – памятники палеолита, б – неолита, в – энеолита – бронзы, г – железного века, средневековья и этнографического времени.

деление. В силу указанных причин документальные свидетельства о палеоорнитофауне весьма фрагментарны. Поэтому изображения птиц в наскальных рисунках, на бытовых предметах, орудиях охоты, в ритуальной скульптуре и сакральных украшениях, их образы в фольклоре и в религиозных обрядах населения того или иного региона могут служить важным, а иногда и единственным источником информации о видовом составе птиц, обитавших в глубокой древности на территории Центральной Азии.

В статье, на основании опубликованных археологических и этнографических материалов, а также собственных наблюдений авторов предпринята попытка систематизации данных о птицах по петроглифам, предметам мелкой пластики, по ранним литературным источникам и шаманской практике народов

Сибири и Центральной Азии. Расположение основных археологических и этнографических памятников с орнитоморфными изображениями в этом регионе показано на рис. 1.

Иконография, хронология и семантика изображений птиц в росписях и петроглифах

Птицы привлекали внимание человека необыкновенной способностью к полету, отличающей их от других существ, обитающих на Земле. Поэтому около половины всех изображений птиц представляют их с развернутыми крыльями или в полете. Способности одних находиться в двух средах (утки, гагары) –

в воздухе и воде, других – издавать таинственные звуки (совы, выпь) или петь (певчие птицы) также не оставались без внимания. Восхищение стремительностью, ловкостью, грацией и силой, вероятно, послужило стимулом для изображения хищных птиц – орлов и соколов.

Как принято считать, наиболее древние изображения птиц, датируемые верхним палеолитом, найдены в пещере Хойт-Цэнкер-агуй в северных отрогах Монгольского Алтая, примерно в 100 км южнее г. Ховд. Здесь в четырех нишах контурной линией коричневого цвета были нарисованы страусы и некоторые другие птицы, а также слоны, верблюды, горные бараны, козлы и лошади [Окладников, 1972]. У страусов, изображенных в профиль (рис. 2, а, б), массивное тело округлых очертаний, длинная тонкая шея и едва выделяющаяся на ней маленькая голова без клюва, ноги относительно короткие (без пальцев), прочерчены тонкими линиями [Новгородова, 1984, с. 20]. На одном рисунке шея птицы вытянута вперед и вверх, так что голова возвышается над телом примерно на его высоту. Линия шеи плавно переходит в линию спины; сочленение шеи и груди показано с уступом. Посредине тела двумя извилистыми линиями прочерчено сложенное крыло, касающееся сзади пышного, заворачивающегося книзу хвоста. У второй птицы хвост и крыло не изображены; наклон шеи более пологий. Создается впечатление о напряженности птицы при снесении яйца (?), показанного овальной точкой под брюхом. Еще девять таких точек нанесены в один горизонтальный ряд на уровне головы над спиной и одна – над изгибом шеи. Если предположить, что точки обозначают яйца*, а именно такое объяснение дали А.П. Окладников и А.И. Мартынов относительно точки под изображением птицы на Томской писанице [1972, с. 205, рис. 2], то длинная изогнутая линия, пересекающая рассматриваемую фигуру птицы, от ряда точек до предполагаемого уровня земли, возможно, указывает на местонахождение кладки, состоящей из 12 яиц.

Поскольку принадлежность изображенных в пещере птиц к страусам вызывала сомнения [Молодин, Черемисин, 1999, с. 133], приведем аргументы “за” и “против” такой интерпретации. Аргументы “за”: общее очертание весьма длинношейей фигуры – шея длиннее остальной части тела, в то время как у журавлей они примерно равны, а у дроф шея даже несколько меньше (рис. 2, д); шея как бы приставлена к телу, а не составляет с ним единого целого, как у жу-

* Точки, пятна, иногда выстроенные в цепочку, в пещере Хойт-Цэнкер-агуй расположены около изображений не только птиц, но и других животных, а также входят в комплекс знаков [Окладников, 1972, вкл. между с. 20 и 21, 22 и 23, 26 и 27]. Их назначение не всегда понятно, поэтому интерпретация округлых пятен и точек рядом с фигурами птиц как изображений яиц весьма условна.

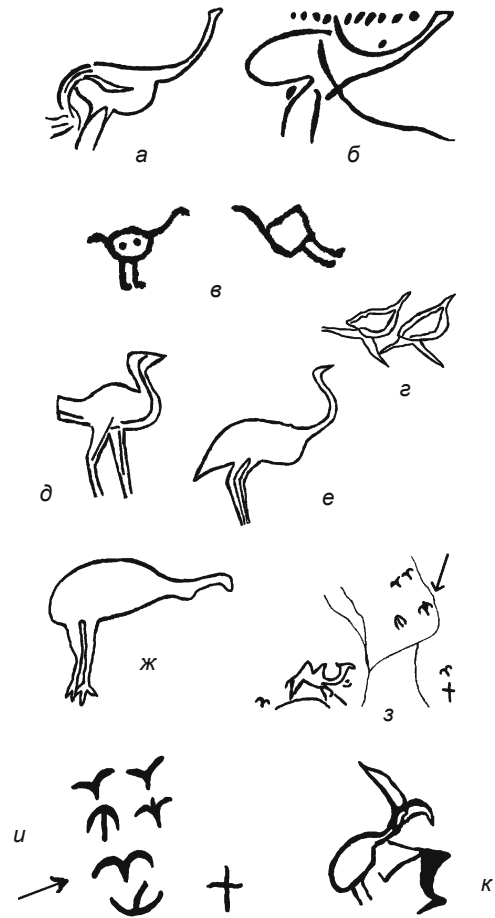

Рис. 2. Изображения птиц в палеолитических росписях и гравюрах.

а, б – страусы, пещера Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия; в – страус, наскальные фрески Аира, Северный Нигер; г – бегущие страусы, Джаббарен, Алжир; д – дрофа, определяемая некоторыми исследователями как страус, Северная Африка; е – страус, бушменская гравюра на камне, Фойресмит, Южная Африка; ж – эму, Северная Австралия; з – летящая саджа (показана стрелкой), другие птицы и верблюд, третья ниша пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия; и – коршун (показан стрелкой) и другие птицы, третья ниша пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия; к – пеликан (?), четвертая ниша пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия.

равлей; небольшой клюв, не превышающий длины маленькой головы, не показан вовсе, в то время как у журавлей крепкий острый клюв в 1,5–2 раза длиннее головы; кладка, если точки действительно означают яйца, состоит из 12 яиц, что более соответствует современному страусу (около 10 яиц), нежели журавлю (2 яйца). Кроме того, страусы в этом регионе были современниками мамонта и, по-видимому, обитали и в более позднюю эпоху. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что древний художник изображал именно страуса. Скорлупа яиц этой птицы обнаружена в Монголии на палеолитическом поселении Мойл-

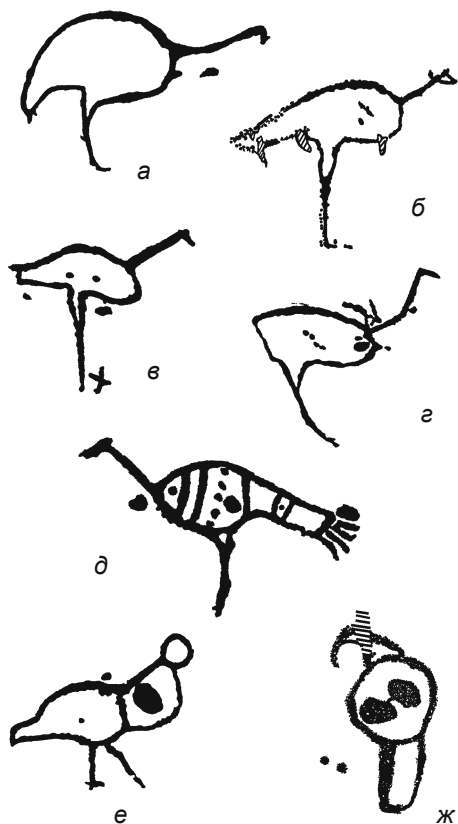

Рис. 3. Изображения птиц на петроглифах Арал-Толгой. Монголия.

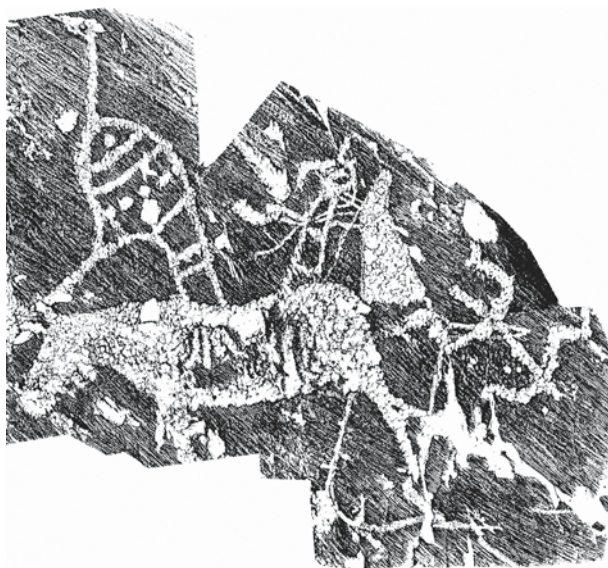

Рис. 4. Копия петроглифа, выполненная на миллиметровой бумаге. Палимпсест: неолитические изображения птицы (в центре) и оленя (правая часть) перекрывает рисунок эпохи бронзы – фигура лошади. Арал-Толгой. Монголия.

тын-ам [Окладников, 1981, с. 26] и на неолитической стоянке Шаврын-ус [Новгородова, 1984, с. 21]. Бусины из скорлупы и крупный обломок яйца с характерным рисунком, подобным центрально-африканскому, были найдены советско-монгольской палеонтологической экспедицией в 60-х гг. XX в. [Ефремов, 1954, с. 10]. Самым весомым аргументом в пользу отождествления птиц, нарисованных в пещере Хойт-Цэнкер-агуй, со страусами является открытие подобных по стилю изображений на петроглифическом памятнике Арал-Толгой (Монгольский Алтай) (рис. 3) [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1999; Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005]. В связи с этой находкой опубликована отдельная статья, в которой рассматривается образ птицы в наскальном искусстве Монгольского Алтая [Кубарев, 2002]. В ней оригинальные изображения птиц Хойт-Цэнкер-агуя и Арал-Толгой датируются финальным неолитом и эпохой ранней бронзы, а отдельные рисунки убедительно коррелируются с изобразительными материалами каракольской и самусьской культур. Особенно интересно одно арал-толгойское изображение птицы, выполненное в декоративном стиле (рис. 3, д; 4). Ее длинный веерообразный хвост очень похож на хвостовое оперение птиц на рисунках Каракола и Калбак-Таша [Там же, рис. 1, 15, 16], что свидетельствует об одной изобразительной традиции, характерной для петроглифов эпохи бронзы Саяно-Алтая и Центральной Азии.

Аргументом против отождествления птиц, изображенных на памятниках Хойт-Цэнкер-агуй и Арал-Толгой, со страусами являются сравнительно короткие и тонкие ноги, но если обратиться к отдаленным аналогиям, то, например, на фресках Аира в Северном Нигере (~1 200 лет до н.э.) страусы показаны именно с такими ногами (см. рис. 2, в) [Лот, 1984, табл. 51]. Хотя надо сказать, что на более древних рисунках (ок. III тыс. до н.э.) этого же памятника ноги птиц выглядят довольно длинными и мускулистыми (см. рис. 2, г) [Лот, 1973, табл. Джаббарен]. Аналогичным образом показаны птицы и на других рисунках (см. рис. 2, д – ж). Более насущным, чем определение вида птиц, изображенных на памятниках Монгольского Алтая, является установление относительно точной хронологии всего комплекса таких рисунков, тем более что страусы обитали на территории Монголии не только в палеолите, но и, возможно, в неолите и даже в эпоху ранней бронзы. В целом проблема датирования самых древнейших орнитоморфных рисунков в Центральной Азии остается дискуссионной. Одно не вызывает сомнения: рассмотренные изображения птиц в петроглифах Монгольского Алтая на сегодняшний день действительно выглядят самыми архаичными в Центральной Азии.

Орнитоморфные изображения, относимые к эпохе камня, есть и на других памятниках Евразии. Костяные

фигурки водоплавающих птиц найдены на палеолитической стоянке Мальта близ Иркутска [Окладников, Мартынов, 1972, с. 203], а рисунки, запечатлевшие сов (взрослой и молодой), – на стенах пещеры Труа Фрер во Франции [Абрамова, 1980, с. 88, рис. 12].

В третьей нише пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, хранящей редкое изображение двугорбого верблюда, в верхней части стены темно-коричневой краской нанесены силуэты летящих птиц (см. рис. 2, з, и) [Новгородова, 1984, с. 26, 29]. Рисунки достаточно схематичны, поэтому вид определить нельзя; возможно, среди них есть изображения коршуна (длиннокрылое, с соответствующими этому хищнику пропорциями крыльев и хвоста) и мелких соколов вроде пустельги. Одна фигура – с загнутыми назад крыльями и сужающимся хвостом – ассоциируется со стремительно летящей саджей – птицей размером с голубя, обитающей в степях и полупустынях. Появление пары верблюд–саджа*, вероятно, следует рассматривать как признак смены относительно влажных саванноподобных ландшафтов сухими открытыми степными пространствами.

У птицы, изображенной в четвертой нише (см. рис. 2, к), относительно недлинные ноги, средней величины шея, овальное тело и преувеличенно большой, насколько можно понять из рисунка, открытый клюв, из которого свисает рыбина (?). Возможно, древний художник нарисовал пеликана – птицу, еще полтора столетия назад обитавшую большими стаями в акватории оз. Хара-Ус-Нур и являвшуюся одной из самых крупных и заметных. Сейчас на этом озере пеликан почти не встречается, поскольку в результате антропогенного воздействия его численность снизилась до угрожающе низкого уровня и он занесен в реестр редких, исчезающих видов.

В позднем палеолите в Алтае-Саянской области в связи с окончанием оледенения (ок. 10 тыс. л.н.) наступило заметное потепление, сопровождаемое увлажнением и облесением бывших тундростепей. Мамонты вымерли, северные олени мигрировали в тундры верхних поясов гор, а обитателей лесов (лосей, маралов и др.), наоборот, стало больше. Изменилась и структура пернатого населения региона, увеличилась плотность горно-лесных видов, но, вероятно, это мало отразилось на искусстве носителей позднепалеолитической культуры, занятых добычей крупных промысловых зверей.

Неолитическая эпоха (ок. VI–V тыс. до н.э.), пришедшая на смену палеолиту, характеризуется широким расселением людей, зарождением скотоводства, земледелия и гончарного производства. К этому времени охотники уже овладели луком со стрелами, что

облегчило ведение промысла и значительно расширило перечень добываемых животных, куда вошли и птицы. Позднее, в энеолите и раннем бронзовом веке (IV–II тыс. до н.э.), скотоводческий и земледельческий быт постепенно начал вытеснять охоту, а на засеянных зерновыми участках стали подкармливаться гуси, огари, журавли и другие птицы.

Неолитические изображения птиц обычно встречаются на скальных поверхностях, на открытом воздухе. Среди прочих анималистических рисунков они также довольно редки, хотя по количеству превышают палеолитические. Исключение составляют петроглифы Онежского озера, где 37 % всех рисунков (322 фигуры) составляют изображения птиц, причем 149 из них интерпретируются как лебеди (рис. 5, а) [Саватеев, 1980, с. 143; Мириманов, 1973, с. 177]. На неолитических петроглифах Феццана в Ливийской Сахаре среди прорезанных контурных и рельефных, несколько стилизованных фигур африканских животных, показанных в динамике и с небольшим количеством деталей, есть реалистичное изображение бегущего страуса (рис. 5, б) [Мириманов, 1973, с. 202–204, 210].

В Южной Сибири наиболее выразительные неолитические рисунки, запечатлевшие птиц, известны на Томских писаницах (рис. 5, в–и) [Окладников, Мартынов, 1972; Барина, Русакова, 1995]. Здесь представлен целый ряд птиц, определяемых до отряда, семейства и, возможно, до вида. Овальным, несколько заостренным контуром показана со спины птица отряда куриных, рядом с ней выбита точка, вероятно обозначающая, по мнению авторов, яйцо (рис. 5, в) [Окладников, Мартынов, 1972, с. 203]. На Новоромановской писанице изображена утка, также с яйцом (рис. 5, з) [Там же, рис. 54]. Без труда определяется линный гусь, приподнявший над спиной свои короткие неоперенные крылья (рис. 5, д); на рисунке он показан сплошной силуэтной выбивкой в профиль [Там же, рис. 81]. Мелкими штришками (треугольничками с обращенными вниз вершинами) заполнено пространство в контуре тела уникального изображения мохноногого сыча (рис. 5, е). Голова и туловище фигуры четко очерчены черной полосой [Там же, рис. 93]. На одном рисунке [Там же, рис. 101] можно узнать журавля (рис. 5, ж), а на другом [Там же, рис. 104] по характерному изгибу шеи – цаплю (рис. 5, з). Определить птицу, изображение которой было обнаружено в 1993 г. на Второй Новоромановской писанице [Барина, Русакова, 1995, с. 58], оказалось затруднительным. Пропорциями тела она весьма напоминает пеликана, и даже возле глаз хорошо просматривается светлый участок, соответствующий голой части на голове этой птицы (рис. 5, и). Клюв массивный, заметно длиннее головы, но кожистый горловой мешок на подклювье не

* Подобное редкое сочетание “верблюд + птица” известно по петроглифам Цагаан-Салаа на Монгольском Алтае [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 283].

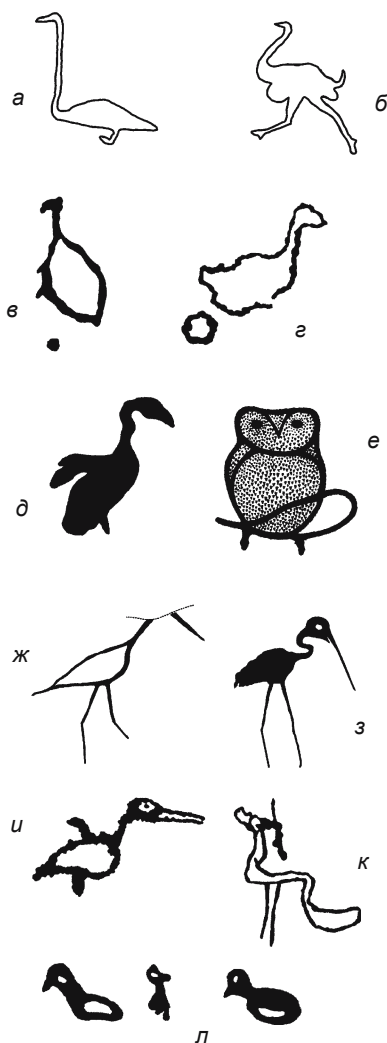

Рис. 5. Изображения птиц на памятниках неолита и ранней бронзы.

а – лебедь, “Бесов нос”, Онежское озеро; *б* – бегущий страус, Феццан, Ливийская Сахара; *в* – птица отряда куриных и яйцо, Томская писаница; *г* – утка и яйцо, Новоромановская писаница; *д* – длинный гусь, Томская писаница; *е* – мохноногий сыч, Томская писаница; *ж* – журавль, Томская писаница; *з* – цапля, Томская писаница; *и* – прапеликан (?), Вторая Новоромановская писаница; *к* – птица, Ортаа-Саргол, Тува; *л* – нырковые утки, гора Чандамань, Монголия.

показан, а это один из характерных признаков семейства. Не исключена возможность существования в то время теперь уже вымершей формы прапеликана – без кожистого мешка и, вероятно, не летавшего (на рисунке над спиной птицы показано короткое узкое “крыло”). Современные виды пеликанов – розовый и серый – обитали на юге Западной Сибири еще в XVIII в. [Рахилин, 1997, с. 120, табл. 5] и в Зауралье в первой половине XIX в. [Блинова, Блинов, 1997, с. 39]. В настоящее время в этих регионах встречаются

лишь редкие особи, а иногда и пары, пытающиеся гнездиться. В целом на Томских писаницах большинство изображенных птиц настолько достоверны, что не перестаешь удивляться наблюдательности и искусству древних художников и даже закрадывается сомнение относительно древности этих рисунков.

Также к неолиту должно быть отнесено контурное, весьма схематичное изображение длинноногой, длинношей и длиннохвостой (?) хохлатой журавлеподобной птицы, держащей в клюве удлинённый вертикальный предмет (рис. 5, *к*) [Дэвлет, 1982, табл. 7, 1], которое находится в окружении фигур животных, выполненных в другой технике (очевидно, в более позднюю эпоху), на одной из скальных плоскостей урочища Ортаа-Саргол, вблизи Саянского каньона на Енисее. Вероятнее всего, здесь представлен обобщенный, а может быть и фантастический, образ птицы.

Пять изображений птиц обнаружены на неолитических петроглифах в районе пещеры Хойт-Цэнкер-агуй и вблизи г. Ховда (Западная Монголия) среди большого числа фигур диких лошадей, горных баранов и быков (204 рисунка). Два из них, вероятно, представляют нырковых уток (рис. 5, *л*). Они выбиты на скалах широким, частично заполненным контуром и довольно статичны, хотя движение все же угадывается по едва заметному наклону головы [Новгородова, 1984, рис. 11, б].

В период энеолита – бронзового века на петроглифах и в мобильной скульптуре наряду с традиционными образами животных появился сюжет, объединяющий воедино человека и животного и возмечивающий культ животных-предков как основы представлений о переселении душ умерших в птиц и зверей, о превращении человека в бога-зверя или бога-птицу. Некоторые изображения наглядно выражают суть мифа о матери как источнике жизни человека и природы, о происхождении людей от животных и нередко демонстрируют связь матери-прародительницы со своим тотемным предком, например с глухарем (рис. 6, *а*) [Там же, с. 42–44, рис. 12].

Известный орнитолог В.К. Рахилин, проанализировавший многочисленные материалы по авифауне России разных эпох, пришел к выводу, что на Алтае в неолите и бронзовом веке обитали камышница, беркут и дятел; на Оби и Енисее в период от палеолита до железного века – чайки, гуси, утки, ястребы, в неолите и бронзовом веке – дрозд и соловей [1997, с. 23–30].

Птицы в изображениях эпохи бронзы в основном малоузнаваемы или совсем не определяются. В качестве исключения приведем рисунки на стеле афанасьевской культуры в Тас-Хазеа в Хакасии (рис. 6, *б*) [Окладников, Мартынов, 1972, с. 188, рис. 6]. Здесь голова птицеподобного божества, смотрящего в сторону маски-личины, весьма напоминает чайку, при-

чем, скорее всего, серебристую чайку, если придать значение небольшой черточке, соответствующей красному пятну на подклювье реальной птицы. Она широко распространена по большим рекам и озерам Южной Сибири и Монголии. Эту птицу могли сделать тотемом древние жители побережий. Изображение второй птицы, как бы прицепившейся к вертикальной стенке, с развернутым хвостом и поднятыми над спиной крыльями, весьма реалистично и более всего соответствует кукушке – как наиболее приближенной к колдовской магии. У кукушки светло-серая головка и буровато-серые темные спина и хвост, что показано точками и черточками. Но на рисунке эти два цвета разграничены колечком на шее, которого нет у реальной птицы. Возможно, однако, что изображено колечко, надетое на кукушку, поскольку на рисунке отмечается что-то вроде привязанного к нему обрывка шнура, тянущегося в сторону птице-головного божества с “антеннами”.

Среди памятников окуневского искусства большой интерес представляет плита из улуса Бутрахты на р. Таштып в Хакасии (рис. 6, в). Здесь над нарисованной охрой личиной изображены птицы: “...целая стая. Трудно сказать, утки это или гуси или что-то иное, но, скорее всего, перелетные птицы, символизирующие сезонную цикличность” [Подольский, 1997, с. 192, рис. 35]. На наш взгляд, на плите запечатлен ток тетеревов, легко определяемых по дугообразно загнутым в разные стороны хвостовым перьям, опущенным вниз крыльям и раскрытым клювам. Два тетерева-косача в верхней части рисунка стоят, пригнувшись, друг против друга. Все птицы показаны с вытянутыми шеями – они в возбуждении. Картина косачино го тока – это гимн весне, пробуждающейся природе, началу нового этапа жизни.

На плите гробницы раннебронзового времени из Каракола (Алтай) рядом с антропоморфной когтистой фигурой (женщина-птица?) глубокой выбивкой изображены горный козел и птица, возможно ворон (рис. 6, з; 7) [Кубарев, 1988, рис. 33].

На стеле с р. Аскиз (Хакасия) над изображением мифического быкоподобного чудовища, опирающегося на трехпалые когтистые лапы, расположены фигурки двух куликов, выполненные в технике граффити (см. рис. 6, д) [Леонтьев, 1997, с. 223, рис. 1]. Птицы показаны чуть пригнувшимися, готовыми к взлету; у одной уже как бы поднимаются крылья над спиной. По-видимому, пернатые олицетворяли собою “верхний мир”, но почему это кулики? Возможно, по той же причине, что и ток тетеревов на стеле из улуса Бутрахты, по поговорке: “Прилетел кулик из-за моря, принес весну из неволя” [Надель-Червинская, Червинский, 1996, с. 323].

В комплексе петроглифов, расположенном в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур (Монгольский

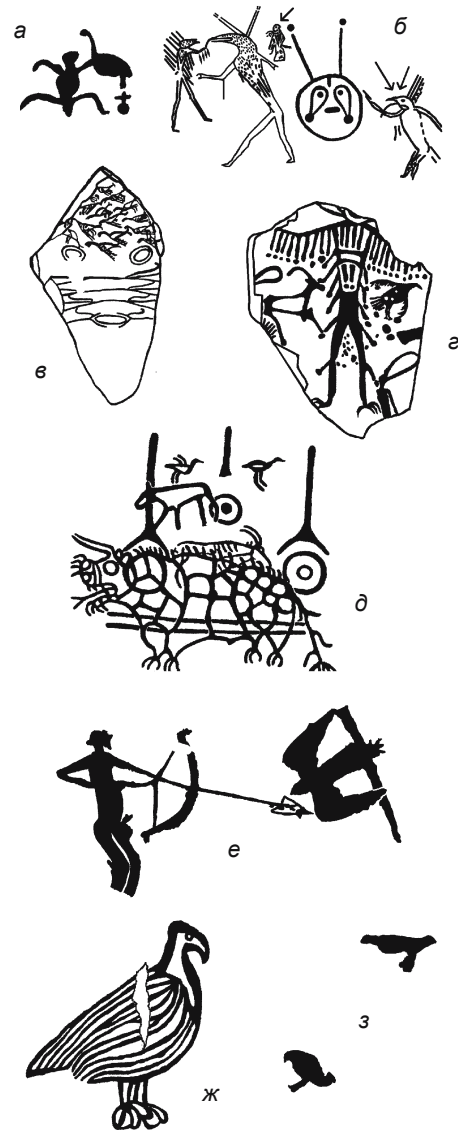

Рис. 6. Изображения птиц на петроглифах и стелах энеолита – эпохи бронзы.

а – глухарь и женщина (тотемный предок), Монголия; б – кукушка (указана одной стрелкой), голова серебристой чайки (две стрелки) у антропоморфной фигуры, афанасьевская стела в Тас-Хазая, Хакасия; в – токующие тетерева, Бутрахты, Хакасия; г – ворон, горный козел и антропоморфная фигура, Каракол, Алтай; д – кулики над быкоподобным чудовищем, Аскиз, Хакасия; е – кукушка в полете под прицелом лучника, Джурмал, Алтай; ж – орел-беркут, Бижитиг-Хая, пос. Кызыл-Мажалык; з – кеклики (?), Овюр III, Тува (МАЭ, № И-1732–185).

Алтай), преобладают изображения орлов, лебедей, уток и гусей (рис. 8, 9). Для одних рисунков характерно реалистическое направление (птицы, парящие в небе стаей), для других – мифологическое (сюжетные композиции с участием птиц, лошадей, оленей, выючных быков и людей). Определенная культурно-историческая (возможно, и семантическая) связь

Рис. 7. Изображение “протошаманки” с птичьими чертами (руки-крылья, перья на туловище и ногах, когти на ступнях). Фрагмент плиты из погребения в Караколе (III тыс. до н.э.). Алтай.

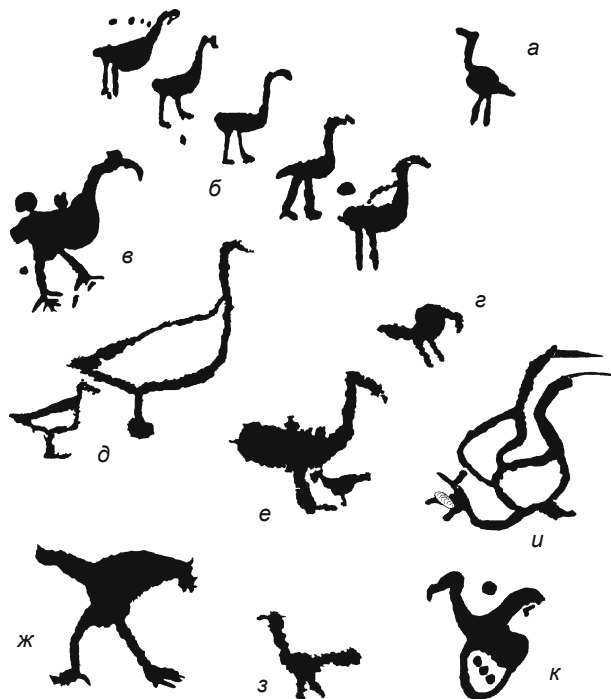

Рис. 8. Профильные изображения птиц на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века. Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур. Монголия.

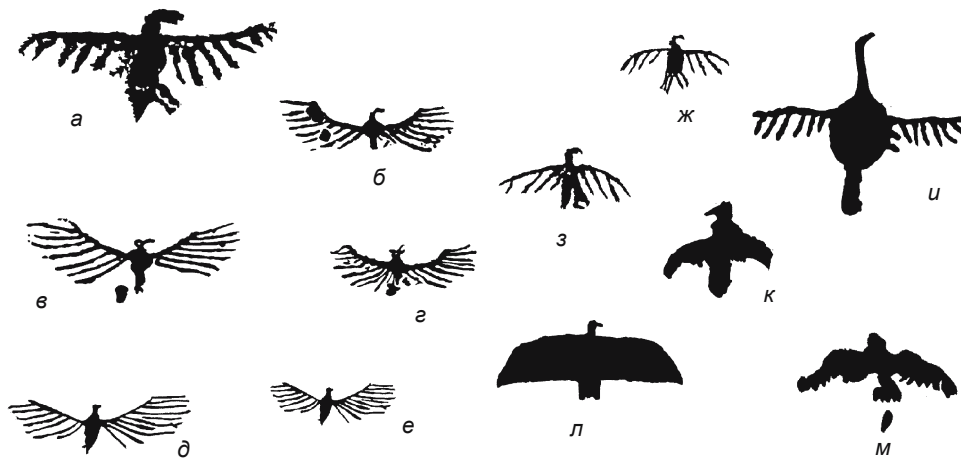

Рис. 9. Анфасные изображения птиц на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века. Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур. Монголия.

монгольских изображений птиц прослеживается с близкими по стилю рисунками в окуневско-каракольском искусстве и в изобразительном творчестве культур самуськой общности Западной Сибири. Во-первых, это формальное, но поразительное сходство сравниваемых изображений птиц с распростертыми и как бы приспущенными крыльями [Кубарев, 1988, табл. I, 6; табл. II, 7; Вадецкая, 1980, табл. LIII, 129]. Во-вторых, характерная трактовка тел в форме яйце-

видного овала, а также присутствие рядом с фигурами или даже внутри их абрисов специально выбитых углублений округлой или овальной формы (символов яйца?). Подобный изобразительный прием, как известно, был продиктован древнейшим солярным культом и космогоническими представлениями о мировом яйце [Иванов, Топоров, 1992, с. 349]. Он типичен, например, для изображений птиц на самуськой керамической посуде, время бытования которой оп-

ределяется серединой II тыс. до н.э. [Косарев, 1981, с. 86, рис. 80, 6, 10].

Для позднего бронзового века характерны двойные личины. Это два находящихся друг над другом антропоморфных изображения с крыльями по бокам и хвостом внизу. Они могли быть высечены на скалах, но чаще всего встречаются в произведениях мелкой металлопластики [Дэвлет, 1998, с. 152, рис. 4]. Силуэтом фигуры напоминают орла в полете, но какой-либо фаунистической нагрузки не несут.

Из реалистических изображений рубежа эпохи бронзы – раннего железного века интерес представляют, пожалуй, только две сцены охоты с луком и стрелами на птиц. Одна из них открыта нами на Монгольском Алтае (Цагаан-Салаа III) [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 262]. В ней отражена, может быть, обычная охота на лебедя (?) (рис. 10, а), но несколько странным представляется то, что древний художник изобразил птицу гораздо больше по размерам, чем охотника. Однако если предположить мифологический характер наскальной миниатюры, то такое несоответствие будет логичным, т.к. мифические птицы и звери во многих случаях огромны и сильны. Вспомним хотя бы легендарную птицу Гаруду, известную в древнеиндийской мифологии как ездовое животное бога (вахана) Вишну [Гринцер, 1992, с. 266]. Во второй, также весьма лаконичной сцене (Джурамал), открытой в 1990 г. на Алтае [Маточкин, 1997, с. 57] и впервые опубликованной в 1992 г. [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 49], лучник целится в крупную птицу (см. рис. 6, е). По мнению Е.П. Маточкина, это “пернатый хищник из семейства соколиных. Г.Г. Собанский... определил птицу как сокола-сапсана или балобана” [1997, с. 57]. Д.В. Черемисин также полагает, что в рассматриваемой наскальной миниатюре “антропоморфный персонаж стреляет из лука в хищную птицу” [1995, с. 102, рис. 4]. Однако изображенная птица больше похожа на кукушку, резко слетевшую с ветки, с ее длинным и широким хвостом. Д.В. Черемисиным упоминается, что на одной плоскости с этой композицией находятся фигуры других хищных птиц, по манере изображения сходные с известными забайкальскими петроглифами, но в цитируемой нами работе они не показаны.

Изображения птиц очень редко встречаются на отдельных оленных камнях Монголии (см. рис. 10, б), датируемых позднебронзовой эпохой [Волков, 2002, табл. 109, 125]. Вероятно, к этому же времени относится и редкий для петроглифов Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) рисунок, запечатлевший стоящую птицу с длинными ногами и шеей (см. рис. 10, в). Круглый глаз выполнен приемом, характерным для изображений оленей т.н. монголо-забайкальского типа. К редким на этом же памятнике следует причислить и другие изображения птиц (см. рис. 10, г–е);

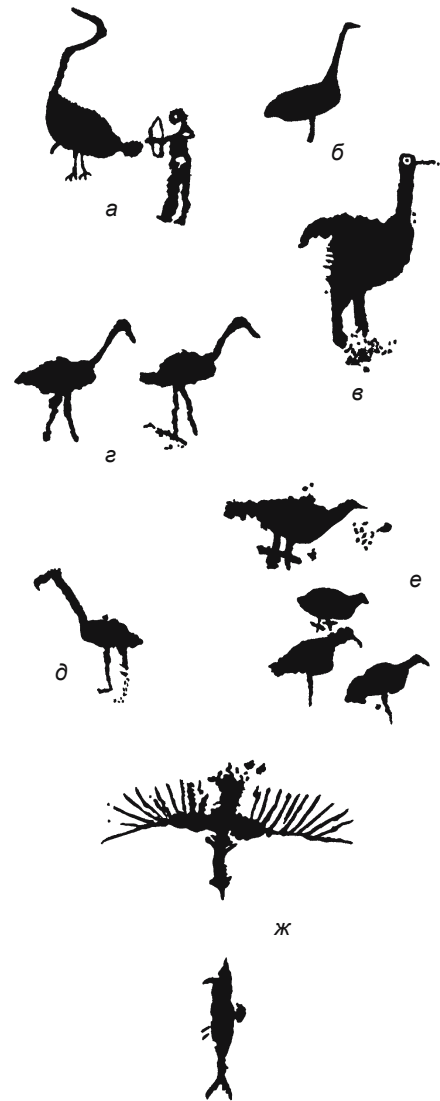

Рис. 10. Изображения птиц на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века в Монголии.

а, ж – Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур; б – оленный камень в Омгийин Холийн оворт; в–е – Хар-Салаа/Хар-Чулуу.

некоторые из них (см. рис. 10, е) напоминают уларов (горных индеек) или даже полярных куропаток, и сейчас обитающих в горах Алтая.

В небольшой композиции на памятнике Цагаан-Салаа крупная хищная птица с расправленными крыльями атакует рыбу (см. рис. 10, ж). В петроглифах Монгольского Алтая такой сюжет встречен впервые. Но в скифском искусстве Евразии сцена терзания хищной птицей рыбы достаточно широко известна на предметах различного назначения, датируемых VI–IV вв. до н.э. [Королькова, 1998, рис. 1, 18]. На петроглифе Цагаан-Салаа птица показана в момент стремительного пикирования, предшествующий акту терзания. На скифских рисунках она держит

рыбу в когтях и клюет ее в голову. Сходство заключается в том, что на петроглифе птица направлена клювом к голове рыбы, т.е. находится в той же позиции, что и в скифских изображениях птиц, терзающих рыбу с головы. Отнесение рассмотренного сюжета к скифскому времени пока следует считать предварительным, потому что в петроглифах Монгольского Алтая существует целый ряд стилистически близких изображений хищных птиц, входящих в композиции, относящиеся к эпохе бронзы. Вопрос о датировании и происхождении сюжета “птица + рыба” не может решаться однозначно и в силу его единичности в петроглифах Монгольского Алтая. Кроме того, имеются более ранние параллели этому сюжету в китайских древностях, датируемых эпохой поздней Шан – концом II тыс. до н.э. [Там же, с. 167]. Интересна еще одна аналогия: на небольшом камне в Синьцзяне изображен журавль или пеликан, клюющий рыбу [Аэргай яньху ишу, 1998, рис. 95]. Судя по выбитому над ними рисунку – фигурка козла в алтайском зверином стиле, – сцену можно датировать “аржано-майэмирским” периодом раннескифской эпохи.

Вероятно, к скифскому времени относятся изображения, по-видимому, беркута на памятнике Бижиктиг-Хаяблизпос. Кызыл-Мажалык (см. рис. 6, ж) [Потапов Р.Л., 1957, с. 430], а также, возможно, двух горных курочек-кекликов, принятых в первоисточнике предположительно за рябчиков (см. рис. 6, з) [Потапов Р.Л., 1958, с. 386], на петроглифах Овюр III в Туве.

Изображения птиц в искусстве ранних и средневековых кочевников

В раннем железном веке (VIII–III вв. до н.э.), когда на территорию Южной Сибири и Монголии проникли племена ираноязычных кочевников, в Центральной Азии сложилось т.н. скифо-сибирское культурно-историческое единство. В декоративном искусстве близкородственных кочевых племен был выработан особый звериный стиль [Грязнов, 1958, с. 12–13]. Главными объектами изображения, как и в прежние эпохи, были разнообразные дикие животные, обитавшие на евразийских пространствах. При этом в разных регионах (Тува, Алтай, Монголия и т.д.) персонажи отличаются локальным своеобразием форм и сюжетов. Изображения в зверином стиле сохранились в виде петроглифов, предметов, отлитых из бронзы, вырезанных из камня, рога, кости и дерева. Они помещались на оружии, конской сбруе и различных украшениях. Воспроизводились обычно копытные животные, довольно часто – хищные звери, включая тигров и пантер, а также птицы, преимущественно орлы. Для скифо-сибирского звериного

стиля характерно изображение голов как символов самого животного, а также использование приемов выразительной орнаментации в линиях силуэта или на отдельных частях фигуры [Вайнштейн, 1974, с. 17–23]. Стилизация затрудняет определение животных и птиц, но часто подробная детализация и подчеркивание черт, присущих только отдельным видам, благоприятствуют достаточно точной атрибуции рассматриваемых изображений.

В скифо-сибирском искусстве народов Центральной Азии был особенно популярен образ орла. Среди различных украшений костюма кочевника наиболее часто встречаются золотые штампованные бляшки, где птица показана парящей с развернутыми крыльями и хвостом (рис. 11) [Там же, 1974, рис. 17, 4, 8; Кубарев, 1991, табл. XLIII, 6, 7; XLV, 14]. Очень выразительны находки с изображениями птиц из недавно исследованных погребений высшего социального слоя кочевников (курган Аржан-2 в Туве): золотая ажурная нашивка в виде головы орла на женском головном уборе и крупная пряжка с протомами птиц [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002, с. 120, 122].

Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая подробно проанализирован В.Д. Кубаревым и Д.В. Черемисиным [1984]. В приведенной авторами коллекции изображений птиц особо выделяются необычайно выразительные и реалистичные фигурки взлетающих орлов (рис. 12, 13). Их сакральная сущность подчеркнута резными спиралями на крыльях и покрытием фигурок листовым золотом. Происходящие из алтайских курганов изделия в зверином стиле, в т.ч. и орнитоморфные (рис. 14–19), коррелируются авторами с соответствующими персонажами петроглифов Алтая и сопредельных регионов. В упомянутой работе описаны орлы, грифы, мифический грифон с туловищем хищника семейства кошачьих и головой орла или грифа; петух, первым видящий зарю нового дня; водоплавающие птицы (гуси, лебеди, гагары, утки) – единственные среди животных, жизнеспособные в четырех структурных элементах мироздания: в воздухе, на земле, на воде и под водой [Там же, с. 95–98]. Среди рисунков, приводимых авторами, относительно достоверно (до рода) можно определить лишь коршуна [Там же, рис. 2, 10].

Значительный интерес представляют и бронзовые предметы с изображениями голов хищной птицы (грифа?), найденные в разграбленном кургане в урочище Балык-Соок (рис. 20). Назначение их неизвестно, но можно предположить, что они служили для каких-то ритуальных целей при совершении погребального обряда носителями пазырыкской культуры Алтая.

К числу редких находок надо отнести бронзовый предмет, найденный В.В. Кривдиком в степном распадке к югу от г. Кызыла. Это литое пустотелое изделие в виде головы птицы с небольшим клювом.

Рис. 11. Золотые нашивные бляшки в виде фигурки орла. Курган 20. Юстыд XII. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 12. Деревянная фигурка орла, обернутая в листовое золото. Курган 9. Юстыд XII. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 13. Деревянная фигурка орла. Курган 2. Уландрык IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).
а – вид спереди, б – вид сверху.

Рис. 14. Фрагмент деревянной диадемы с изображениями плывущих лебедей. Курган 2. Уландрык IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 15. Деревянная фигурка утки (?), окрашенная в красный цвет. Курган 12. Уландрык II. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Глаза показаны сквозными отверстиями, обведенными рельефными валиками (рис. 21, а). Выполненная с большим мастерством голова птицы была, вероятно, частью навершия. Она сделана по образу не хищной птицы, а глухаря, причем, судя по относительной короткоклювости, – каменного глухаря. В настоящее

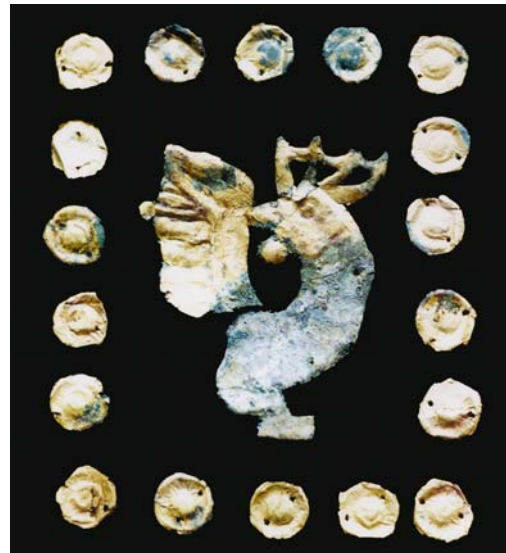

Рис. 16. Круглые бронзовые нашивные бляшки и фигурка петуха, обернутые в листовое золото. Курган 3. Балык-Соок I. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 17. Деревянное украшение узды в виде голов фантастических грифов. Курган 2. Уландрык IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 18. Наконечник деревянного псаля в виде головы хищной птицы. Курган 2. Уландрык IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 19. Деревянное украшение узды в виде головы фантастического грифа. Курган 2. Уландрык IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 20. Бронзовые предметы неизвестного назначения с изображениями голов грифов. Курган 3. Балык-Соок I. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

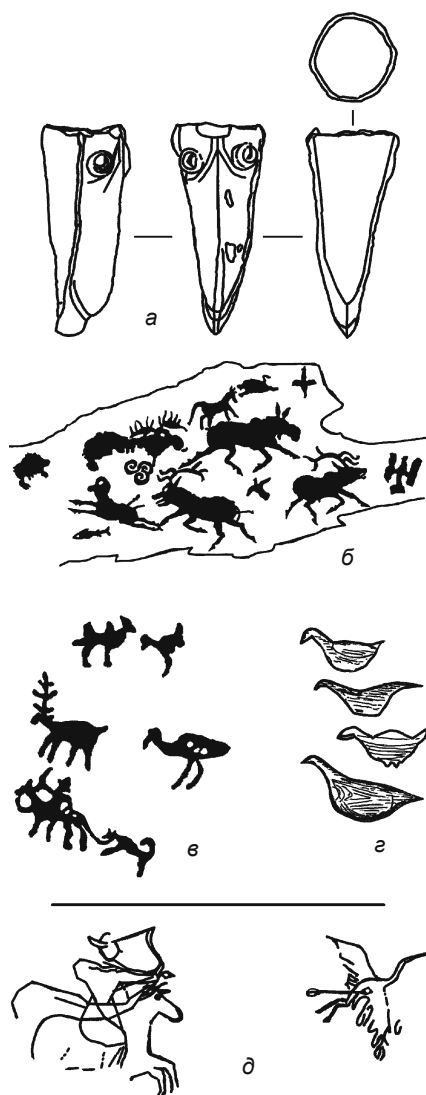

Рис. 21. Изображения птиц в скифскую эпоху и в этнографическое время.

а – бронзовая головка каменного глухаря, Сук-Пак, Тува; б – птицы (тетерева?) в многофигурной композиции на камне № 40 памятника Алды-Мозага, Саянский каньон Енисея, Тува; в – журавль на наскальном рисунке в окрестностях г. Ховд, Монголия; г – культовые деревянные фигурки птиц (сверху вниз: утка, глухарь, утка, улар), Аржан-Хем, Тува; д – журавль в прорисовке наскальной гравированной сцены охоты, Тузэкта, Алтай.

время эта птица отряда куриных обитает преимущественно в лиственничной тайге и разреженных лесах Сибири к востоку от Енисея и Байкала [Флинт и др., 1968, с. 178–179]. В Туве каменный глухарь встречен лишь на юго-востоке, но, судя по описанной находке, в прежние времена ареал его обитания мог быть гораздо шире – включать и часть Тувинской котловины.

В гунно-сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.) в Саяно-Алтае преобладающими сюжетами петроглифов были сцены охоты и вооруженные всадники, а из животных чаще воспроизводились одомашненные быки, лошади, верблюды и собаки. Изображений птиц немного; наиболее типичные из них, весьма стилизованные и неопределимые, представлены на многократно описанном камне № 40 памятника Алды-Мозага (рис. 21, б) [Дэвлет, 1998, табл. 17]. Не исключено, что в верхнем правом углу композиции и в центральной ее части между фигурами бегущих в разные стороны оленей изображены тетерева, причем первый показан взлетающим вертикально вверх в момент наивысшего возбуждения во время тока. Пропорции второй птицы, запечатленной в полете, также соответствуют тетереву – она тоже “хохлатая”, но на хвосте не показаны характерные расходящиеся в стороны концы рулевых перьев; возможно, эта деталь была упущена самим художником либо при последующем копировании. Силуэт токующего тетерева-косача – символ весны, начала нового жизненного цикла. Поэтому, вероятно, не случайно он помещен сверху уникальной композиции.

Орлы в гунно-сарматскую эпоху нередко изображались носителями сынычурекской культуры, описанной С.И. Вайнштейном [1974]. Как правило, они показаны парящими, с распростертыми крыльями и повернутой в сторону головой [Там же, рис. 30]. Известны два сравнительно четких изображения журавлей: на наскальном рисунке в окрестностях г. Ховда (рис. 21, в) [Новгородова, 1984, рис. 63] и в сцене охоты на петроглифах Туэкты в Горном Алтае (рис. 21, д) [Миклашевич, Белоусова, 2000, с. 18]. Последняя сцена, очевидно, выполнена в древнетюркскую эпоху или даже в этнографическое время.

Соколиная охота и ловчие птицы

В более позднее историческое время с появлением письменности сведения об авифауне стали разнообразнее и богаче. Среди них преобладали материалы об охоте и ловчих птицах. Охоте учились с детства. Например, у хуннов Центральной Азии “мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков, а, несколько подросши, добывает лисиц и зайцев и употребляет их в пищу” [История Тувы, 2001, с. 55].

О кочевниках VII–VIII вв., когда Тува входила в состав Первого Тюркского каганата, письменные источники сообщают, что их охотники, будучи верхом на коне, искусно владели луком, у них были “стрелы с перьями кондора”, которыми они стреляли орлов (см.: [Кызласов, 1969, с. 47]). Кондорами здесь названы бородачи-ягнятники – “орлы из рода больших орлов с желтой головою и красными глазами, коих перья употребляются на опушку стрел” [Бичурин, 1950, с. 98]. В те времена плотность ягнятника была, вероятно, гораздо выше нынешней.

Об обитании в Алтае-Саянской области соколов, их раскраске и использовании на охоте свидетельствуют следующие материалы. Так, в июле 843 г. в китайскую столицу прибыло второе хакасское посольство во главе с генералом Вань-у-Хэ, которое передало в дар 10 пар соколов [Кызласов, 1969, с. 94]. В 1207 г. кыргызские нойоны, правившие тогда на территории современной Тувы, “выразили покорность и били Чингис-Хану челом и белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и черными соболями” [Там же, с. 132]. В землях цзилицизов Кянь-Кянь-Чжоу (т.е. Хем-Хемчика) были “белые и черные охотничьи соколы. <...> На летней охоте употреблялись специально выращиваемые охотничьи соколы, которые вместе с лошадьми могли идти на приношение в виде дани или на продажу” [Там же, с. 165]. Лучшие кречеты, наряду с пушниной и лошадьми, приобретались у тувинцев среднеазиатскими купцами, которые использовали птиц для распространенной тогда соколиной охоты. Иранскому правителю начала XIV в. Газан-Хану были привезены из Саяно-Алтайского нагорья в числе других приношений “соколы дальне-летные и охотничьи” [Там же, с. 170].

Охота с ловчими птицами тогда была распространена достаточно широко, и не как развлечение, а с целью добычи мяса зверей и птиц. Миссионер Гильом Рубрук, совершивший в 1253–1255 гг. путешествие в Западную Монголию, писал, что местные жители “мышей с длинными хвостами отдают птицам: соколам, кречетам, беркутам, которых держат в большом количестве и охотой с ними добывают значительную часть своего пропитания” [Путешествия..., 1957]. Об орлах, специально обученных монголами для охоты, сообщал в XIII в. и венецианский путешественник Марко Поло: “Много у великого хана... орлов, приученных ловить волков, лисиц, антилоп, ланей...” [Книга..., 1955, с. 115–116].

Соколиная охота запечатлена и в петроглифах Монгольского Алтая. В композиции, скопированной нами в долине высокогорной р. Хар-Салаа, чрезвычайно интересна фигура всадника, держащего в одной руке сокола или орла, в другой – стек либо небольшую булаву – престижный атрибут знатного воина (рис. 22). На этом же памятнике изображения двух хищных птиц присутствуют и в другой сцене

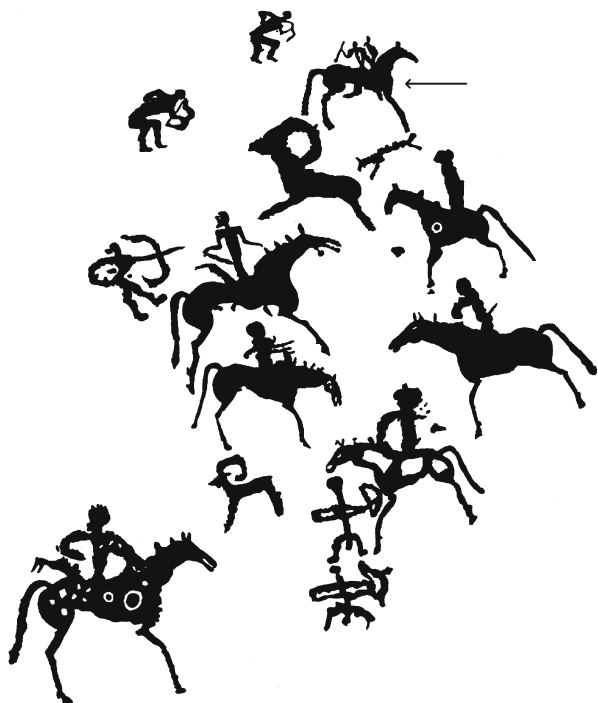

Рис. 22. Сцена загонной охоты. Стрелкой показан всадник с ловчей птицей на левой руке. Петроглифы Хар-Салаа. Монголия. Древнетюркская эпоха (VII–VIII вв.).

охоты (на оленей) [Кубарев, 2001, рис. 9, б]. Рисунки, запечатлевшие соколиную охоту, весьма близкие по композиционному построению, встречаются также в петроглифах Алтая, Казахстана и Киргизии [Елин, Некрасов, 1994, рис. 1; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, ил. 80; Кляшторный, 2001, с. 214]. Сюжет охоты с прирученной птицей повторяется на отде-

льных предметах из Средней Азии [Манылов, 1979, рис. 1; Древности Таджикистана, 1985, ил. 435].

Возможно, ловчая птица изображена и на некоторых древнетюркских изваяниях Семиречья и Восточного Казахстана. Как правило, она показана сидящей на правой руке человека [Шер, 1966, табл. XXIII, изваяния 105–109]. В Монголии, на мемориальном памятнике, установленном в память о Текеше, в верхнем правом углу монумента изображена птица, может быть сокол (рис. 23).

Любопытно, что и в настоящее время на высокогорных летниках казахских чабанов Монголии рядом с юртой или даже в самой юрте можно увидеть прирученных орлов. Традиция охоты на мелкую дичь при помощи ловчих птиц, надо полагать, не прерывалась с глубокой древности.

Образ птицы в сибирском шаманстве

Некоторые данные о птицах Саяно-Алтая в средние века и до начала прошлого века можно обнаружить в материалах по шаманизму, широко распространенному у народов Сибири в недавнем прошлом. Главной идеей шаманизма являлась необходимость общения человека с духами, по поверьям, еще в глубокой древности заселившими окружающее его пространство. Посредником в этом общении выступает шаман, якобы наделенный необыкновенными способностями. С ним связаны духи-покровители и духи-помощники. Особенно примечательна связь шамана со священными птицами – обитателями небесной сферы. Перьевой головной убор, ассоциируемый также с лучами солнца, имеют антропоморфные персонажи

Рис. 23. Мемориальный памятник, посвященный Текешу. В правом верхнем углу барельефное изображение сокола или голубя. Асгат. Монголия. Древнетюркская эпоха (VII–VIII вв.).

Рис. 24. Полихромные изображения богов или “прото-шаманов” с перьевыми головными уборами и крыльями птиц в руках. Каракол. Алтай. Каракольская культура (II тыс. до н.э.).

(протошаманы?) древних росписей Каракола [Кубарев, 1988, рис. 19]. В руках они держат, возможно, сложенные крылья птиц (рис. 24). В плане происхождения и эволюции сибирского шаманства наиболее интересно изображение самой древней “шаманки” Монголии с трехпальными птичьими когтями на ногах [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 891], имеющее прямую и бесспорную аналогию в искусстве каракольской культуры эпохи бронзы Алтая (см. рис. 7) [Кубарев, 1988, рис. 33; 2001, рис. 6, 3]. И, как нам представляется, в прямой связи с этими древними рисунками находятся сохранившиеся в мифах монголов, алтайцев и тувинцев представления о первом шамане – женщине. Этнографам, очевидно, следует обратить внимание на перспективность сравнительного изучения одежды древних “шаманок” в петроглифах с ритуальными костюмами сибирских шаманов. Ведь известно, что у народов Саяно-Алтая существовал особый тип шаманского костюма, выделяющийся по покрою и оформлению. Он олицетворял собой птицу [Прокофьева, 1971, с. 62], при помощи которой шаман (шаманка) якобы поднимался на вершины гор и совершал путешествие во Вселенной [Потапов Л.П., 1991, с. 210–215]. Возможно, именно такой костюм или его подобие передает другой рисунок эпохи бронзы, найденный среди петроглифов долины р. Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай). На нем показаны рога быка на перекладине и опущенные вниз крылья птицы [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 269]. Еще более выразительные изображения женщин в “птицевидном” одеянии найдены на скалах в устье р. Карагем на Российском Алтае [Маточкин, 1997, рис. 1, 5, 6].

Согласно верованиям народов Сибири, многие птицы считались духами верхнего мира, но некоторые из них (гагары) могли общаться и со средним (земным), и с нижним (подводным, подземным) [Басилов, 1984, с. 31]. У хакасов бытовало поклонение как силам природы, так и растениям, животным, в т.ч. сороке и соколу [Кызласов, 1969, с. 128]. Тотемы, особенно птицы, играли большую роль в жизни и искусстве таяжных западно-сибирских аборигенов: у обских угров почитались орел, журавль, гоголь, филин; у селькупов – орел, кедровка, журавль, глухарь, лебедь, ворон, ястреб [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 40–41]. По нашим наблюдениям, в тотемистических и анимистических представлениях современных тувинцев-оленьеводов сохраняется особая значимость орла, лебедя, утки, филина, совы, кедровки и некоторых других птиц. Г.Е. Грумм-Гржимайло писал: “...шаман окружает себя в Урянхайском крае обстановкой, имеющей цель поднять психическое настроение обращающихся к его помощи... Предметы шаманского культа развешиваются... в строго определенном порядке... над шаманским бубеном помещаются резанные из дерева, выкрашенные в черный

цвет изображения птиц-вестников духов – кукушки и ястреба... по правую сторону вешаются идолы, в том числе шкуры орла, совы, филина, к тетиве лука подвешиваются перья глухаря и т.п.” [Там же, с. 143]. Сам шаманский костюм с головным убором, увенчанным орлиными, вороновыми или глухаринными перьями, воплощал в себе образ птицы [Вайнштейн, 1974, с. 215]. Помощником шамана обычно был ворон; иногда в этом качестве выступали семь лебедей, летающих по всему свету и собирающих сведения о судьбах людей. У тоджинских шаманов для исполнения их воли помощники могли принимать образы различных животных и птиц:

Превратимся в ворона – понесемся плавно,
Превратившись в ястреба, – наблюдаем сверху.
Превратившись в орла, – наблюдаем со всех сторон.

Алгыш, исполняемый при камлании шамана
[Вайнштейн, 1961, с. 185].

Скульптурные фигуры птиц, изготовленные из неокрашенного дерева, устанавливались по указаниям шаманов на перевалах у святилищ с “оваа”, у минеральных источников “аржаанов” и в некоторых других священных местах. Среди культовых фигур в Западной Туве часто встречаются изображения улара, в Восточной Туве – утки, глухаря и других птиц, обитающих в горно-таежных и озерно-болотистых местностях [Забелина, 1975]. Считалось, что обряд установки священных фигурок служит для задабривания духов, а также призван способствовать размножению изображенных птиц и животных [Вайнштейн, 1974, с. 188].

Во время камланий шаман нередко обращался к птицам и другим животным в т.н. алгышах, ритмично исполняемых под звук бубна [Кенин-Лопсан, 1987, с. 20–23; Забелина, Забелин, 2001]. Он мог похвалить за тонкий слух птицу “чашкаадай” (каменку-плясунью), за голос драгоценный – кукушку, за песни ночные – соловья, за солнечный день – рябчика, пожелать девушке, вышедшей замуж, быть нарядной, как дятел, изящной, как степная куропатка; юноше – быть гордым, как орел, и петь, как соловей. Филин у шамана – это бдительность ночью, сокол – ловкий и смелый разведчик днем, сорока – раньше всех узнающая о приближении беды, коршун – воплощение постоянной угрозы, ворон, любимец шамана, – его зоркий разведчик [Забелина, Забелин, 2001, с. 197; Дьяконова, 1981].

“Орнитофаунистическая составляющая” шаманского культа базировалась на постоянных наблюдениях и систематической инвентаризации природных связей.

Заключение

В мифах народов мира птицы – неперенные участники, а нередко и главные персонажи. Они служат

символами неба, солнца, грома, плодородия, жизни и смерти, выполняя также разнообразные функции в ритуальной сфере и погребальной практике. Не являются исключением и изображения птиц в петроглифах, а также мобильном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии. Они выступают своеобразными классификаторами в универсальной знаковой системе зооморфных образов, позволяющими расшифровать идейное содержание мифа [Кубарев, 2002, с. 78–79].

Многочисленные археолого-этнографические источники, письменные свидетельства и другие материалы говорят о том, что птицы занимали достойное место в разносторонних интересах людей. В палеолите и неолите они могли быть дополнительным объектом промысла, в энеолите – бронзовом веке, кроме того, им стала отводиться определенная роль в анимистических представлениях, еще более усилившаяся в дальнейшем с появлением и развитием у народов Сибири шаманизма.

Проведенный анализ ряда источников показал, что они могут дать представление об авифауне отдельных регионов. Перспективными для дальнейшего изучения, на наш взгляд, являются данные о верхнепалеолитических страусах (Монголия и Забайкалье), неолитической загадочной пеликаноподобной птице (бассейн Томи), каменном глухаре скифского времени (остепненная ныне часть Тувинской котловины). Ранние литературные источники помогли составить представление о масштабах существовавшей в раннем средневековье соколиной охоты, а шаманская практика и фольклор – о своеобразной форме накопления знаний о птицах и зверях.

Список литературы

- Абрамова З.А.** В пещерах Арьежа // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 62–95.
- Аэртаг** яньху ишу (Искусство алтайской наскальной росписи) / Лю Цинъянь, Лю Хун. – Б. м.: Шаньдун ишу чубаньшэ, 1998. – 59 с., 127 ил. (на кит. яз.).
- Барнинова Е.С., Русакова И.Д.** Новые петроглифы на Томи // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 58–61.
- Басилов В.Н.** Избранники духов. – М.: Политиздат, 1984. – 208 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 230 с.
- Блинова Т.К., Блинов В.Н.** Птицы Зауралья: Лесостепь и степь. – Новосибирск: Наука, 1997. – Т. 1. – 269 с.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37–86 (текст), с. 123–147 (табл.).
- Вайнштейн С.И.** Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 218 с.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 223 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.
- Гринцер П.А.** Гаруда // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 266–267.
- Грумм-Гржимайло Г.Е.** Западная Монголия и Уранхайский край: Антропологический и этнографический очерк этих стран. – Л.: РГО, 1926. – Т. 3, вып. 1. – 413 с.
- Грязнов М.П.** Древнее искусство Алтая. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1958. – 95 с.
- Древности Таджикистана:** Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 128 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.
- Дьяконова В.П.** Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 123–164.
- Елин В.Н., Некрасов В.А.** Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1994. – С. 116–122.
- Ефремов И.А.** Палеонтологические исследования в Монгольской Народной Республике: Предварительные результаты экспедиций 1946, 1948 и 1949 гг. // Сб. работ по палеонтологии МНР: Тр. Монгольской комиссии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Вып. 59. – С. 3–32.
- Ешелкин И.И.** О наскальных изображениях некоторых животных в горах Юго-Восточного Алтая // Учен. зап. ГАНИИЯЛ. – 1974. – Вып. 11. – С. 63–68.
- Забелина Г.А.** Некоторые культовые изображения птиц из урочища Аржан-Хем // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – 1975. – Вып. 17. – С. 260–262.
- Забелина Г.А., Забелин В.И.** Обращения к птицам в алгышах тувинских шаманов // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. V Междунар. науч. конф. (г. Ховд, Монголия, 20–24 сентября 2001 г.). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 196–197.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Птицы // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 346–349.
- История Тувы:** В 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.И. Вайнштейна и М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 1. – 367 с.
- Кенин-Лопсан М.Б.** Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – 164 с.
- Кляшторный С.Г.** Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2001. – С. 213–215.
- Книга** Марко Поло. – М.: Изд-во геогр. лит., 1955. – 376 с.
- Королькова Е.Ф.** Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н.э. // Проблемы археологии: История и культура древних и средневе-

ковых обществ. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 1998. – Вып. 4. – С. 166–177.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 234 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 95–107.

Кубарев В.Д. Образ птицы в петроглифах Монгольского Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – С. 77–81.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Арал-Толгой // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 407–410.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 86–100.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 211 с.

Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222–236.

Лот А. В поисках фресок Тассили-Аджера. – Л.: Искусство, 1973. – 192 с.

Лот А. К другим Тассили: Новые открытия в Сахаре. – Л.: Искусство, 1984. – 215 с.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: Онер, 1985. – 144 с.

Маньков Ю.П. Бронзовая накладка со сценой охоты из Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 86–88.

Маточкин Е.П. Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 57–63.

Миклашевич Е.А., Белоусова Н.А. Первобытное искусство в музее археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского университета // Вестн. САИПИ. – Кемерово. – 2000. – Вып. 2. – С. 16–24.

Мириманов В.Б. Малая история искусств: Первобытное и традиционное искусство. – М.: Искусство, 1973. – 319 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Энциклопедический мир Владимира Даля. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – Кн. 1: Птицы. – Т. 1. – 512 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Окладников А.П. Центральноеазиатский очаг первобытного искусства: пещерные росписи Хойт-Цэнкер-агуй (Сэнгри-агуй), Западная Монголия. – Новосибирск: Наука, 1972. – 75 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии: Мойлутын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 461 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 293 с.

Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 168–201.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.

Потапов Р.Л. К истории фауны Центральной Азии (о наскальных изображениях животных в Туве) // Сб. МАЭ. – 1957. – Т. 17. – С. 429–431.

Потапов Р.Л. О некоторых наскальных изображениях животных в горах Танну-Ола и Монгун-Тайги // Сб. МАЭ. – 1958. – Т. 18. – С. 385–389.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 5–100.

Путешествия в восточные страны П. Карпини и Г. Рубрика. – М.: Изд-во геогр. лит., 1957. – 270 с.

Рахилин В.К. Орнитогеография России. – М.: Полиграфия, 1997. – 254 с.

Саватеев Ю.А. Онежские петроглифы и тема зверя в них // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 136–158.

Флинт В.Е., Беме Р.Л., Костин Ю.В., Кузнецов А.А. Птицы СССР. – М.: Мысль, 1968. – 637 с.

Черемисин Д.В. Исследования археологических памятников в бассейне рек Аргута и Джазатора // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 101–105.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 115–124.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э. Арал толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал-Толгой. Монголия). – Улаанбаатор: Монгол улс шинжлэх ухааны академийн археологийн хурээлэн, 2005. – 204 с. (на монг., рус., англ. яз.).

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 6). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 5).

Материал поступил в редколлегию 18.07.05 г.